

МОТИВ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ УЗБЕКИСТАНА

Чернова Татьяна Алексеевна

преподаватель Самаркандского института

экономики и сервиса

tatyha.1990.1103@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1232-0007

Сагдуллаев Тўлқинжон Нодирбекович,

студент 1 курса СамИЭС

Аннотация. В статье исследуется функционирование мотива культурной памяти в современной русскоязычной прозе Узбекистана. На материале произведений Тимура Пулатова, Сухбата Афлатуни (Евгения Абдуллаева), Санджара Янышева и других авторов рассматривается специфика художественного синтеза восточной (узбекской) и западной (русской, европейской) культурных традиций. Анализируются основные модули репрезентации памяти: историко-мифологический, пространственный (хронотоп старого города, махалли) и лингвокультурный.

Ключевые слова: культурная память, русскоязычная проза Узбекистана, национальная идентичность, хронотоп, диалог культур, восточный менталитет, постколониальный дискурс.

Annotatsiya. Ушбу мақолада замонавий Ўзбекистон русзабон насрида маданият хотира мотивининг амал қилиши тадқиқ этилган. Тимур Пулатов, Сухбат Афлатуний (Евгений Абдуллаев), Санжар Янишев ва бошқа муаллифлар асарлари мисолида Шарқ (ўзбек) ва Ғарб (рус, Европа) маданият аниқланиши бадиий синтезининг ўзига хос хусусиятлари кўриб чиқилади.

Хотирани ифодалашнинг асосий модуллари: тарихий-мифологик, макон (эски шаҳар, маҳалла хронотопи) ва лингвوماданий жиҳатлари таҳлил қилинади.

Kalit so'zlar: маданий хотира, Ўзбекистон русзабон насри, миллий ўзлик, хронотоп, маданиятлар мулоқоти, Шарқ менталитети, постколониал дискурс.

Abstract: *The article explores the functioning of the motif of cultural memory in modern Russian-language prose of Uzbekistan. Based on the works of Timur Pulatov, Sukhbat Aflatuni (Evgeny Abdullaev), Sanjar Yanyshhev, and other authors, the specifics of the artistic synthesis of Eastern (Uzbek) and Western (Russian, European) cultural traditions are examined. The main modes of memory representation are analyzed: historical-mythological, spatial (the chronotope of the old city, mahalla), and linguacultural.*

Keywords: *cultural memory, Russian-language prose of Uzbekistan, national identity, chronotope, dialogue of cultures, Eastern mentality, Sukhbat Aflatuni, postcolonial discourse.*

В гуманитарных науках конца XX — начала XXI века проблема памяти заняла одно из центральных мест. Концепция «культурной памяти», разработанная Яном и Алейдой Ассман, прочно вошла в методологический аппарат современного литературоведения. Культурная память понимается не просто как пассивное хранилище исторических данных, а как активный, постоянно реконструируемый механизм трансляции смыслов, ценностей и сакральных текстов, формирующих идентичность сообщества. В литературе культурная память актуализируется через систему мотивов, архетипов, цитат, аллюзий и пространственно-временных моделей (хронотопов).

Особый интерес в данном контексте представляет русскоязычная литература Узбекистана, развивающаяся в уникальных геополитических и этнокультурных условиях. Будучи явлением пограничным, по определению

исследователей, «транскультурным», эта проза соединяет в себе традиции русской классической литературы (с ее психологизмом и философской глубиной) и богатейший пласт восточной, центральноазиатской цивилизации — от древних доисламских мифов и суфийской философии до повседневных традиций узбекской махалли. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического переосмысления того, как в условиях постсоветской независимости и глобализационных процессов писатели Узбекистана, творящие на русском языке, используют потенциал культурной памяти для самоидентификации и преодоления кризиса исторического сознания [6].

Исследование культурной памяти опирается на труды М. Бахтина (концепция «большого времени» культуры), Ю. Лотмана (теория семиосферы и «памяти культуры») и М. Хальбвакса (коллективная память). По мнению А. Ассман, культурная память обладает высокой степенью институционализации и символической фиксации. Она материализуется в памятниках, ритуалах, письменных текстах и сакральных топосах. В художественной литературе память становится «несущей конструкцией» сюжета.

Для русскоязычной прозы Узбекистана культурная память выступает связующим звеном между прошлым и настоящим, между «своим» и «чужим». Русскоязычный писатель в Узбекистане находится в ситуации перманентного межкультурного диалога. Его язык — русский, но его *mental*ный ландшафт, образы, мифология и история укоренены в Центральной Азии. Следовательно, мотив культурной памяти в этих текстах функционирует как двоеточие или мост: он деконструирует колониальные стереотипы и создает новое евразийское или транскультурное текстовое пространство, где память Востока актуализируется через оптику западного художественного мышления.

Историко-мифологический срез является базовым уровнем функционирования культурной памяти. Родоначальником глубокого

философско-мифологического осмысления Центральной Азии в русскоязычной литературе по праву считается Тимур Пулатов. В его романах и повестях («Черепаша Тарази», «Плавающая Евразия», «Завсегда») прошлое присутствует не как мертвая хроника, а как живой миф, проникающий в ткань повседневности. В романе «Черепаша Тарази», посвященном средневековому ученому и мыслителю, Пулатов реконструирует интеллектуальную и духовную атмосферу мусульманского Ренессанса. Память у Пулатова — это способ обретения экзистенциальной свободы. Герои Пулатова ищут ответы на современные вопросы в суфийских притчах, древних преданиях и архетипах, доказывая, что культурное время Центральной Азии циклично и неразрывно.

В новом поколении русскоязычных писателей эту традицию на ином эстетическом уровне продолжает Сухбат Афлатуни (творческий псевдоним известного философа и поэта Евгения Абдуллаева). В его трилогии «Диптих», романах «Поклонение волхвов», «Муравьиный царь» и многочисленных повестях культурная память становится главным сюжетобразующим фактором. Для Афлатуни характерно сопряжение различных пластов памяти: христианской, исламской, советской и доисламской (зороастрийской). В его произведениях Ташкент и Самарканд предстают как священные перекрестки, где сходятся судьбы ссыльных российских интеллигентов, православных священников, суфийских дервишей и советских чиновников. Историческая память в прозе Афлатуни тщательно детализирована, но при этом мифологизирована. Автор исследует «травмы памяти» — трагедию разрушения традиционного уклада жизни в XX веке, насильственное стирание религиозной памяти в советский период и трудный процесс ее регенерации в постсоветское время.

Культурная память всегда пространственна. Топосы Самарканда, Бухары, Ташкента в русязычной прозе Узбекистана наделяются глубоким

символическим смыслом, превращаясь в «места памяти» (по определению П. Нора). Ключевым хронотопом, аккумулирующим культурную память, является Старый город и его структурная единица — махалля. В произведениях С. Афлатуни, С. Янышева, В. Муратханова Старый город противопоставляется Новому (европейскому, советскому) городу. Если Новый город характеризуется линейным временем, модернизацией, анонимностью и социальной атомизацией, то Старый город — это пространство циклического времени, где живы вековые традиции, где каждый дом, дувал или чинара хранят память о поколениях предков [5].

Махалля в русскоязычной прозе описывается как уникальный микрокосм, сохранивший этические нормы и социокультурные коды узбекского народа. Проходя сквозь лабиринты глинобитных улочек Старого города, герои русскоязычных авторов совершают путешествие во времени, погружаясь в глубины коллективного бессознательного. Чайхана, мазар (святое место), внутренний дворик (хавли) со старым урюковым деревом и айваном — все эти элементы пространства функционируют как триггеры памяти, вызывающие к жизни воспоминания об ушедшем «золотом веке» традиционной культуры. Пространство удерживает память от окончательного распада под натиском урбанизации [3].

Важнейшим аспектом репрезентации культурной памяти является сам язык русскоязычной прозы Узбекистана. Писатели осуществляют так называемый лингвокультурный трансфер. Русский язык в их текстах подвергается внутренней семантической перестройке под влиянием узбекского языка и восточного дискурса. В ткань русскоязычного повествования активно внедряются безэквивалентная лексика и реалии (аксакал, супа, тандыр, курпача, фатиха, гап), цитаты из восточной классической поэзии (Навои, Хайям, Руми), а также калькированные формы узбекских речевых формул, благопожеланий и фразеологизмов.

Этот синтез не является простой экзотизацией или этнографическим украшательством текста. Это способ вербализации культурной памяти. Вводя узбекские реалии в русскоязычный контекст, авторы заставляют читателя почувствовать иной темпоритм жизни, иную логику мировосприятия, укорененную в восточном менталитете. Возникает феномен «ташкентского текста» или «ферганского текста» русской литературы, где русский язык становится гибким инструментом, способным передать тончайшие нюансы восточной духовности, философию терпения (сабр), уважения к старшим и священного трепета перед памятью предков.

Таким образом, мотив культурной памяти в современной русскоязычной прозе Узбекистана представляет собой сложное, многоуровневое эстетическое явление, выполняющее важнейшие социокультурные функции. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, культурная память в исследуемых текстах реализуется через три основных взаимосвязанных модуса: историко-мифологический (актуализация древних мифов и суфийской философии), пространственный (символизация Старого города и махалли как хранителей традиционных кодов) и лингвокультурный (трансформация русского языка под воздействием узбекской ментальности и речевой культуры).

Во-вторых, обращение русскоязычных писателей Узбекистана (Т. Пулатова, С. Афлатуни и др.) к мотиву памяти выступает как реакция на вызовы современности — глобализацию, культурную унификацию и историческую амнезию постсоветской эпохи. Культурная память становится терапевтическим инструментом, позволяющим залечить травмы исторического прошлого и восстановить разорванную преемственность поколений.

В-третьих, русскоязычная проза Узбекистана демонстрирует уникальный пример транскультурного синтеза, в котором диалог между русской и

узбекской культурами происходит не на уровне внешнего заимствования, а на уровне глубоких структур художественного мышления [4–6]. Мотив культурной памяти в данной литературе не просто репродуцирует прошлое, но активно конструирует живое, динамичное будущее национальной культуры, доказывая жизнеспособность и богатство литературных традиций Узбекистана в контексте мирового литературного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. Афлатуни С. Поклонение волхвов: Роман. — М.: Рипол Классик, 2015. — 640 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. — С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
6. Нора П. Между памятью и историей // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 17-50.
7. Пулатов Т. И. Избранное: Романы, повести. — М.: Художественная литература, 1988. — 520 с.
8. Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской литературе двадцатого века. — М.: Изд-во МГПУ, 2010. — 214 с.